

O. S. Makarova (Volgograd) SECONDARY NOMINATION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE (BASED ON F. NIETZSCHE'S TEXTS)

The article focuses on the use of the metaphorical structures in a philosophical discourse. The author considers numerous metaphors in F. Nietzsche's texts. These metaphors reflect different types of secondary nomination, promote creation of original one context-restricted images and create a unique style of the philosopher. The article deals with the classification of the metaphorical units of the individual concept "Tugend" with the use of the main subject comparison. By means of this the potential of secondary nominations is actualized and they form the following *lexical classes* of the sorted concept in the philosopher's concept sphere: *parts of the body, tactile organs; virtue and vice; a profession, an occupation; a color; childhood, a human being and a society; medicine; sleep.*

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ Ф. НИЦШЕ)

Известно, что применение вторичной номинации широко распространено в языке и считается одним из главных законов его развития, прежде всего, на уровне лексико-семантической системы. Существенные признаки вторичного наименования, вызванные ассоциативным мышлением, соответствуют таким смысловым признакам непрямого значения, которые соотносятся с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения. Поэтому вторичная номинация в определённой степени актуализируется фоновой информацией.

Особенности мотивации позволяют говорить о двух типах вторичной номинации – *автономной* и *неавтономной* (косвенной) (Телия 1990: 336-337).

Автономная номинация обуславливает образование новых имён путем прямого отражения особенностей объекта действительности. Автономная номинация подразумевает вторичное значение слова, которое обладает самостоятельной номинативной функцией; автономно, посредством языковых знаков, оформляет фрагмент объективной реальности, его признак на основе одного имени. Тогда «закономерности выбора и комбинации лексических единиц зависят <...> только от присущего им значения, которое определяется поэтому как свободное» (Телия 1990: 336-337).

При неавтономной (косвенной) номинации новый языковой смысл «всегда соотносится со своим обозначаемым косвенно, через посредство семантически опорного для данной комбинации наименования» (Там же). Подчеркнём, что с понятием неавтономной номинации связана синсемантичность значения слова. Этот термин предполагает способность указывать на компоненты обозначаемой словом действительности только совместно с указанием на неё другим определённым словом или рядом слов (Гулыга 1967: 93). «Косвенно-производящий способ семантической структуризации связанного значения обуславливает и закономерности его употребления – выбор и комбинации с теми словами, которые выступают как опорные наименования и через посредство которых, то есть, косвенно, связанное значение соотносится с миром» (Телия 1981: 260).

Основу неавтономной (косвенной) номинации составляет процесс *метафоризации*. Главный механизм данного когнитивного приёма осуществляется с помощью ассоциативного комбинирования общих признаков двух различных объектов.

Изучение метафоры с точки зрения когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии доказывает, что этот тип номинации является необходимой составляющей языка; он представляет собой такой способ осознания мира, без которого человек не может обойтись. Метафора отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. По мнению Г. Пауля, «метафора – одно из важнейших средств обозначения комплексов представлений, не имеющих ещё адекватных наименований. <...> Метафора – это нечто такое, что с неизбежностью вытекает из природы человека...» (Пауль, цит. по: Бюлер 1993: 317). Мы присоединяемся к мнению ученого и считаем, что метафора органично связывает человека и язык, являясь одним из основных приёмов осознания объектов действительности, их наименования, выяснения новых значений и закрепления их в языковой системе.

В свете вышесказанного мы считаем целесообразным согласиться с характеристикой метафоры не только как художественного украшения поэтической речи, но и как «фундаментального свойства языка, не менее фундаментального, чем, например, описание элементов языка» (Степанов 1985: 229). Кроме того, в ней «стали видеть *ключ к пониманию мышления и процессов создания* не только национального, специфического видения мира, но и его универсального образа» (Арутюнова 1990: 6), что позволяет описывать метафорические значения в русле когнитивной и культурологической семантики.

К изучению метафоры обращались и обращаются не только лингвисты, но и философы, психологи. Здесь уместно привести слова Ф. Ницше: «Побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека, которого нельзя ни на минуту игнорировать, ибо этим самым мы игнорировали бы самого человека» (<http://www.fh-augsburg.de>).

Мы убеждены в том, что вхождение метафоры в философский дискурс стало причиной возникновения ряда вопросов, на которые невозможно ответить при помощи традиционных лингвистических исследований изучаемого феномена, поскольку метафора

рассматривается в них лишь как языковое украшение, а не как инструмент познания.

Метафорические номинации активно функционируют в философском знании. В различные периоды истории философия по-разному рассматривала возможности использования метафорических конструкций в философских текстах. В частности, труды Ф. Ницше изобилуют метафорами, отражающими различные типы вторичной номинации, способствующие созданию оригинальных образов, ограниченных рамками одного контекста.

В своих научных изысканиях В. П. Москвин обнаруживает возможность классифицировать метафорические единицы с использованием сравнения по основному субъекту, благодаря чему актуализируется потенциал вторичных номинаций образовывать лексические классы (Москвин 2006: 129). В данном случае автор говорит, например, о группировках на основании цвета, размера и других.

Концепт «TUGEND» в философских трудах Ф. Ницше распределен языковыми единицами, относящимися к следующим лексическим классам: части тела, органы осязания (35 %); добродетели и пороки (32 %); профессия, род деятельности (11 %); цвет (9 %); детство (5 %); человек и общество (5 %); медицина (2 %); сон (1 %).

Выявленные нами группировки получают образное опредмечивание метафорическими средствами языковой системы. Самая многочисленная лексическая группа «части тела, органы осязания» обращает на себя внимание неординарностью сравнений, попытками автора увидеть «человеческое» в понятии «добродетель». При этом важно подчеркнуть положительные коннотации и даже «нежность» в оценивании философом данного поля лексических единиц. К примеру, добродетель характеризуется наличием у неё ног: *unseren Tugenden auch soll'n leicht die Füße sich heben: gleich den Versen Homer's müssen sie kommen und gehn* (Nietzsche 1999: 354); пальцев: *ihre Tugenden haben kluge Finger* (Nietzsche 199: 170); ушей: *Freilich, du willst sie bei Namen nennen und lieblosen; du willst sie am Ohre zupfen und Kurzweil mit ihr treiben* (Nietzsche 1976: 39). Добродетель может говорить: *denn so spricht die Tugend* (Nietzsche 1976: 106); выть: *denn Tugend-Geheul, <...> ist mehr als alles* *Europäer-Inbrunst,* *Europäer-Heißhunger* (<http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/dionysos/dionysos.htm>).

Коннотация со знаком «-» выражена примерами, в которых добродетель может также видеть: *also heißt der böse Blick Tugend* (Nietzsche 1976: 98); ... *so dass ihr Anblick uns nicht mehr wehe thut, und wir ihrethalben dem Fatum keine vorwurfsvollen Gesichter haben* (Nietzsche 1999: 389).

Экспликация основополагающих творческих идей автора зафиксирована вторичными номинациями группы лексем «добродетели и пороки». Замысел философа, как нам кажется, заключается во всесторонней презентации описываемого феномена. Именно репрезентанты данной группы в очередной раз подтверждают некоторую двойственность мысли Ф. Ницше, благодаря чему уже не сам философ, а читатель делает выводы из его концепции, оценивает философские замыслы. Добродетель рассматривается как страдание, жестокость, месть, трусость: *das Leiden als Tugend, die Grausamkeit als Tugend, die Verstellung als Tugend, die Rache als Tugend, die Verleugnung der Vernunft als Tugend...* (Nietzsche 1999: 32); *Feigheit: ob es schon Tugend heißt* (Nietzsche 1976: 170); *die Tugend hat nie etwas Gefälliges, kennt keine reizenden Wallungen, ist hart und schrecklich* (Nietzsche 1976: 77).

Понимание добродетели как положительного феномена иллюстрируется, например, следующими примерами: *wie tapfer auch die Gebärden einer solchen Tugend sich ausnehmen mögen* (Nietzsche 1991: 15); *mit Behagen aber verträgt sich nur die bescheidene Tugend* (Nietzsche 1976: 169); ... *die Tugenden wie Fleiß, Gehorsam, Keuschheit, Pietät, Gerechtigkeit...* (Nietzsche 1999: 391). Ф. Ницше апеллирует к таким добродетелям, как смелость, скромность, прилежание, послушание, целомудрие, благочестие, справедливость.

Примеры метафорического осмысления концепта «TUGEND» как наименования «*профессий, рода деятельности*» по частотности использования занимают третью позицию. Данный лексический класс представлен следующими единицами: *seine Tugend nur zum höchsten Preise verkaufen oder gar mit ihr Wucher treiben, als Lehrer, Beamter, Künstler, – macht aus Genie und Begabung eine Krämer – Angelegenheit* (Nietzsche 1999: 225); *die Schauspieler der Tugend* (Nietzsche 1999: 39).

Что касается лексической группировки «цвет», то здесь мы наблюдаем аналогии, проведённые Ф. Ницше в метафорических единицах с самыми разнообразными цветами. При этом для передачи данной образной аналогии автором используются природ-

ные явления. Репрезентация белого и жёлтого цветов наблюдается в следующем примере: *ihre Philosophen – Tugenden wie **Schnee in der Sonne** wegschmelzen würden* (Nietzsche 1999: 623); красного и желтого – в этом: *in eurem Sterben soll noch euer Geist und eure Tugend **glühn**, gleich einem **Abendrot** um die Erde* (Nietzsche 1976:76); жёлтого цвета в ещё одном случае: ***Feuer der Liebe glüht** in aller Tugenden Namen und Feuer des Zorns* (Nietzsche 1976: 62).

Анализируемая группа отличается характеристикой концепта «TUGEND» как чего-то блестящего, что, несомненно, придает речи выразительность, эмоциональность и создает неповторимую ницшеанскую образность: *und **dem Sterne gleich**, der **erlischt**, ist jedes Werk eurer Tugend* (Nietzsche 1976: 97); *wir wollen mit aller Bosheit und Liebe an ihr arbeiten und nicht müde werden, uns in unsrer Tugend, die allein uns übrig blieb, zu vervollkommen: mag **ihr Glanz** einmal wie ein **vergoldetes** spöttisches **Abendlicht** über dieser alternenden Cultur und ihrem dumpfen düsteren Ernste liegen bleiben* (Nietzsche 1991: 152). Заметим, что вышеупомянутые цвета, репрезентируемые природными реалиями, относятся к так называемым «тёплым» цветам. Примечательно, что Ф. Ницше эмоционально высказывается по поводу базисных концептов своей философии, что иллюстрирует наш фактический материал. Но если речь идёт о положительных составляющих концептов, то автор непременно обращается к их образным сравнениям с природой и природными явлениями. На наш взгляд, та гармония, которая царит в окружающей среде, оказывает успокаивающее воздействие на философа, с одной стороны, а с другой – чётко прослеживается противопоставление естественного начала природы и неестественности человека.

Разнообразие используемых метафорических средств для объективизации интересующего нас концепта находит своё отражение в фиксации лексических классов «детство» и «человек и общество», в процентном соотношении представленных равных количеством. Ассоциация с игрушками актуализирована таким примером: *und eurer Tugend liebste **Spielwerke*** (Nietzsche 1976: 98); главенствующая роль мамы в детском периоде человека продемонстрирована в следующем случае: *ihre **liebt** eure Tugend, **wie die Mutter ihr Kind*** (Nietzsche 1976: 96).

Гнев, насмешка, пренебрежение к человеческому существу, возмущение его положением в обществе связывают следующий

материал в единую группу: *die Pöbel – Tugend* (Nietzsche 1976: 248); *denn die Einsamkeit ist bei uns eine Tugend, als ein sublimer Hang und Drang der Reinlichkeit, welcher erräth, wie es bei Berührung von Mensch und Mensch – in Gesellschaft – unvermeidlich – unreinlich zugehn muss* (Nietzsche 1991: 225); *alle anstellige Bettel – Tugend* (Nietzsche 1976: 177).

Известно, что творчество Ф. Ницше очень тесно связано с его собственной судьбой. Его философию можно рассматривать через призму жизненного пути философа. Описание именно концепта «TUGEND» диссонирует с фактом слабого физического здоровья Ф. Ницше. В произведениях философа мы обнаружили малое количество примеров из лексического класса «медицина»: *die Tugend ist vielmehr selbst jene Verlangsamung des Stoffwechsels* (Nietzsche 2000: 40); *eine Tugend bloss aus einem Respekts – Gefühle vor dem Begriff Tugend ist schädlich* (Nietzsche 1986: 22).

Наконец, самая малочисленная группа содержит сравнения добродетели с процессом сна: *Schlaf der Tugend* (Nietzsche 1999: 87); *wenn die Tugend geschlafen hat, wird sie frischer aufstehen* (Там же).

В результате сравнения по основному субъекту, установлен факт наличия следующих лексических классов при объективации представленного концепта в философии Ф. Ницше: *части тела, органы осязания; добродетели и пороки; профессия, род деятельности; цвет; детство; человек и общество; медицина; сон*. Они основаны на образных, индивидуальных ассоциациях самого философа, позволяющих в очередной раз утверждать существование индивидуальных концептов и их продуктивность в системе идеолекта Ф. Ницше, соответственно и в философском дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993. – 140 с.
3. Гулыга Е. В. Семантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова / Е. В. Гулыга // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 93-104.

4. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В. П. Москвин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 630 с.
5. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
6. Телия В. Н. Номинация В. Н. Телия // Энциклопедический лингвистический словарь. – М. : Большая российская энциклопедия, 1990. – С. 336-337.
7. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen / F. Nietzsche. – München, 1976. – 368 с.
2. Nietzsche F. Antichrist / F. Nietzsche. – 1986. – 125 с.
3. Nietzsche F. Dionysus – Dithyramben / F. Nietzsche. – (<http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/dionysos/dionysos.htm>).
4. Nietzsche F. Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert / F. Nietzsche. – Frankfurt am Main, 2000. – 123 с.
5. Nietzsche F. Idyllen aus Messina / F. Nietzsche // Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft – München, 1999. – С. 347-398.
6. Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse / F. Nietzsche // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. – Stuttgart, 1991. – 452 с.

Получено 29.09.2009

Макарова, Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских и романских языков Волгоградского государственного педагогического университета; olka1@inbox.ru